

проследить разные степени этого восприятия: так, одна человеческая душа воспринимает это благо иначе, чем другая. В том, что касается разума, восхождение и нисхождение происходит во Вселенной путем почти незаметного перехода от ступени к ступени – от низшей до высшей формы и от высшей до низшей, подобно тому как это наблюдается в области чувств, тогда как между ангельской природой – природой разумной – и душой человеческой нет промежуточной ступени, но одна как бы незаметно переходит в другую; точно так же между человеком и совершеннейшим созданием из числа диких зверей нет промежуточных ступеней; и мы встречаем многих людей, до такой степени подлых и низких, что они кажутся просто скотами; в такой же степени следует полагать и даже быть уверенными, что существуют люди настолько благородные и возвышающиеся над остальными, что подобны ангелам: иначе человеческий род не имел бы повсеместного продолжения, чего быть не может. Таких людей Аристотель в седьмой книге «Этики» и называет божественными; такова и эта благородная дама, в том смысле, что Божественная сила нисходит в нее так же, как она нисходит в ангела.

Далее, когда я говорю: «Кто этому поверить не дерзает...» – я это доказываю на основании ее поведения, типичного для разумной души; поведением обычно называют речи и поступки, в которых Божественный свет сияет всего отчетливее. При этом должно помнить, что среди животных только человек обладает даром речи и совершает действия и поступки, именуемые разумными, ибо только он наделен разумом. Если бы кто-нибудь вздумал мне возразить, уверяя, что некоторые птицы, в особенности сорока и попугай, разговаривают и некоторые животные, как, например, обезьяны, совершают осмысленные поступки, я отвечу, что это неправда, животные не могут разговаривать и совершать осмысленные поступки, ибо они не обладают разумом, которым и обуславливаются все эти явления; и в животных нет начала этих действий, и они не знают, что это такое, и потому не понимают, что виденное и слышанное можно не только механически воспроизвести, но и обозначить. Посему, подобно тому как образ тех или иных тел воспроизводится на поверхности какого-нибудь блестящего предмета, как в зеркале, а телесный образ, изображаемый зеркалом, не является самим телом, точно так же нереален и образ разума, то есть поступки и речи, изображаемые или, вернее, представляемые дикой душой.

Я предлагаю тому, кто не верит мне на слово, следовать за моей дамой, дабы узреть ее дела. Я предлагаю это не мужчинам, а женщинам, ибо им больше пристало наблюдать за женщиной. Я хочу, чтобы та, которая последует за ней, поведала потом о ее речах и поступках и о своем впечатлении от них. Возвышенность и сладостность речей благородной дамы порождает в уме того, кто их слышит, любовное помышление, которое я называю небесным дуновением, ибо начало его на небе и оттуда нисходит его смысл, как было сказано выше; из этого и возникает твердая уверенность в том, что жена эта обладает чудесною силой духа. Ее поступки своей сладостью и своей широтой заставляют любовь пробудиться и стать осознанной всюду, где по воле благой природы уже посеяны семена ее могущества. Совершается же этот природный посев так, как это показано в следующем трактате.

Далее, начиная со слов: «Ты даму назови...» – я собираюсь повествовать о том, как доброта и сила ее души приносят благо и пользу другим. В первую очередь – другим женам:

«Ты даму назови
Лишь ту благой, в которой отразила
Она свой лик...»;

тем самым я предлагаю им очевидный пример для жен, любясь которым и следуя которому они могут сами стать в глазах людей благородными. Затем я говорю о том, как она всем людям приносит пользу, помогая нашей вере, что превыше всего другого полезна роду человеческому, будучи той верой, благодаря которой мы избегаем вечной смерти и приобретаем вечную жизнь. Она действительно помогает нашей вере, ибо вера эта основана прежде всего на чудесах, совершенных Христом, Который создал наш разум и пожелал, чтобы разум этот был меньше Его могущества, а после того, как Он был распят, – на чудесах, совершавшихся Его именем и Его святыми. Она помогает нашей вере, ибо многие настолько упрямы, что глаза их застилает туман и они сомневаются в этих чудесах и не могут поверить ни в одно чудо, не увидев его воочию. Она действительно помогает нашей вере, ибо сама она – чудо, которое глаза человеческие могут в любое время воспринять и которое доказывает нам возможность и других